

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»

В Центре цивилизационных и региональных исследований РАН в мае 2009 года был проведен круглый стол «Тенденции развития общественно-политической ситуации в республиках Северного Кавказа». Участниками круглого стола были:

Энвер Кисриев – заведующий сектором сравнительной регионалистики, к.ф.н. (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН);

Ирина Бабич - ведущий научный сотрудник, д.и.н. (Институт этнологии и антропологии РАН);

Гамид Булатов - ведущий научный сотрудник, д.и.н. (Институт этнологии и антропологии РАН);

Деньга Халидов - сопредседатель Российского Конгресса народов Кавказа, вице-президент Академии геополитических проблем, руководитель Центра стратегических и этнополитических исследований, к.соц.н.;

Наима Нефляшева - старший научный сотрудник, к.и.н. (Сектор сравнительной регионалистики Центра цивилизационных и региональных исследований РАН);

Вадим Муханов, старший научный сотрудник, к.и.н. (Центр кавказских исследований МГИМО (У) МИД)

Ахмет Ярлыкапов, старший научный сотрудник, к.и.н. (Институт этнологии и антропологии РАН).

Ниже публикуется стенограмма круглого стола «Тенденции развития общественно-политической ситуации в республиках Северного Кавказа»

Энвер Кисриев. Тема нашего круглого стола – «Тенденции развития общественно-политической ситуации в республиках Северного Кавказа». Хотелось бы говорить именно о серьезных, системных тенденциях. О том, что может иметь в перспективе развитие, какие-то выходы, что действительно может представлять собой практическое значение, вызывать озабоченность политических институтов и организаций и требовать каких-то дополнительных усилий со стороны научной среды и т.д. Общеизвестно, что существует устоявшийся общественно-политический дискурс относительно Северного Кавказа. Утвердились определенные ориентации, ценности и установки. В целом

формируется искаженная картина происходящего. И над исследователями в академической науке довлеет этот дискурс, хотя мы понимаем, что все, что существующее в общественном сознании, на самом деле выглядит гораздо сложнее. И этот дискурс надо как-то разрушать, вносить в него поправки, изменения. Для этого, конечно, и нужны круглые столы, обмен взглядами, мнениями.

Я хочу посвятить свое выступление одному, на мой взгляд, чрезвычайно важному вопросу, который имеет специфическое отношение именно к данному региону России – российским республикам Северного Кавказа. Оговорюсь, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область также, как известно, входят в категорию «Северный Кавказ» в его общепринятом географическом понимании, но я считаю, что в этнополитическом смысле вполне может существовать и такая самостоятельная категория, как «республики российского Кавказа», то есть, известные всем семь республик, расположенные на северных (российских) склонах Большого Кавказского хребта. Они обладают определенным набором особенностей, которые, на мой взгляд, позволяют выделить их в некую отдельную исследовательскую категорию.

Самой существенной особенностью, на мой взгляд, является то, что в этих республиках сложились довольно специфические общественно-политические институты, обусловленные тем, что обычно называют «этническими особенностями», институты, которые оказывают определенное воздействие на протекающие здесь ныне политические процессы. Под «общественно-политическими институтами» я понимаю не те, привычные всем категории, излагаемые в хрестоматиях и учебниках по политологии, но нечто весьма специфическое; их выделение и осмысление достижимо с помощью конкретных исследований и анализа. В общепринятом понимании здесь, так же как и во всей России, функционирует общая и однородная политико-партийная конструкция. Но следует понимать, что официально функционирующие институты и категории лежат в сфере формально установленного Конституцией и другими законами порядка. Они существуют и непрерывно проговариваются в дискурсе, однако в реальной политической практике часто действуют и другие сущности. Их как бы «нет», поскольку они не выявлены, не осмыслены концептуально, и, потому не вербализуются. Между тем, они часто определяют характер политического процесса и потому должны быть осмыслены.

Итак, на мой взгляд, помимо официально установленной институциональной структуры, в республиках Северного Кавказа сложились и функционируют латентные политические структуры большой значимости. В силу особенностей традиционного

уклада кавказских обществ здесь сформировались и действуют организованные политико-экономические группировки, основанные на традиционных идентичностях, которые я условно назвал «этнопартиями». Объясню содержание этого выделенного мной феномена и то, почему я так его назвал. «Партиями» они являются, на мой взгляд, постольку, поскольку являются сегментами общественно-политической структуры, противостоят другим, такого же рода структурам, реально участвуют в политической жизни своих республик, отстаивают свои прерогативы и борются за власть. Структурно и функционально они могут быть соотнесены с хорошо известными в истории человечества «партиями», скажем, древнегреческих полисов, средневековых западноевропейских городов и других подобных политических группировок в новое и новейшее время. Они обладают известной долей «идеологического» единомыслия и общего корпоративного интереса для мобилизации социальных сил, у них есть организационные структуры, хотя их никто не расписывал в формальных учредительных документах, есть авторитетный лидер или сплоченная группа лидеров и активистов, есть финансовая и массовая поддержка определенных сегментов населения. Приставка «этно» не обязательно указывает, что речь идет об «этнической общности», «национальности». Как правило, указанные этнопартии охватывают только определенные сегменты этнической общности. Приставка «этно» подразумевает, что в основе их солидаристских установок лежат традиционные, «этнографические» идентичности, но причины их институционализации, цели и задачи вполне сопоставимы с теми, что ставят перед собой современные политические партии.

В основе внутренней солидарности этнопартий лежат ценности традиционной идентичности. В Дагестане они основаны, я думаю, главным образом, на джамаатской идентичности. В северо-западных регионах российского Кавказе, я думаю, что они структурируются на иных идентичностях – локальных, клановых, этнолингвистических и др. Так, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии большую роль приобретают пары так называемых «титულных национальностей». Там, по-видимому, существенное влияние оказывает все-таки именно этническая идентичность. Хотя, как мне кажется, и там можно обнаружить более узкие общности, объединяющие людей вокруг авторитетных (богатых и влиятельных) лидеров из некоего «своего» круга. Они отражают специфику традиционных типов социальных связей, принципов социальной организации и идентификационных конструкций конкретных горских обществ того или иного региона. Каждая из них является организованной политической силой, обладающей материальными и людскими ресурсами, ведущей свою политику и оказывающей

влияние на общий ход политического процесса в своих республиках. Они возникают и исчезают, разделяются и объединяются, заключают союзы и сталкиваются, побеждают и проигрывают в каждой конкретной ситуации. Они собственно и являются подлинными субъектами политического процесса в этом регионе, хотя и действуют латентно. Эти структуры часто оказывают более серьезное воздействие на содержание и ход политического процесса, чем те институты, которые официально обозначены и легально призваны заниматься всем этим. Более того, они пронизывают ткань официальных институтов власти и управления, трансформируют их функции и подчиняют их своим правилам игры.

Если официальная партийная конструкция России в этом регионе является еще в значительной мере искусственной и зыбкой и целиком управляется Кремлем, то этнопартии, о которых я говорю, хотя официально нигде не представлены, существуют реально и действуют самостоятельно. Их борьба в некоторых случаях бывает крайне жестокой и бескомпромиссной, как это и должно быть в подлинном политическом процессе. Они обладают завидной устойчивостью и преемственностью, хотя отсутствие формального статуса и глубокая «конспирация» делает их «невидимыми» в рамках общепринятого общественно-политического дискурса. Конечно, говорить о некоей политико-партийной идеологии у них в хрестоматийном смысле не приходится. Здесь работают иные ресурсы консолидации.

Существенной их характеристикой является, конечно, то, что они носят нелегальный и латентный характер. Конечно, их проще всего было бы назвать, как это часто делается в прессе, просто «преступными кланами», «мафиозными группировками» и т.д. Однако в таком случае мы привнесем в исследование поверхностные оценки и эмоции и рискуем оказаться вовлеченными в «межпартийные» отношения на той или иной стороне. Чтобы понять происходящее в его неприкрытой подлинности, нужно отказаться от наивных представлений о политических отношениях как борьбе законности с преступностью, добра со злом. Моральными приговорами и заклинаниями реальность не изменить. Нравится нам это или нет, но этнопартии являются системными элементами структуры современных северокавказских обществ и чрезвычайно важными компонентами современного политического процесса.

Отсюда важное обстоятельство, к которому я хочу перейти. В настоящее время мы все наблюдаем в республиках российского Кавказа тенденцию усиления вертикали власти, то есть концентрации единоличной президентской власти, опирающуюся на безусловную поддержку Центра. Если исходить из существования и функционирова-

ния в республиках Северного Кавказа этнопартий, то указанная тенденция означает, что вся полнота власти в них передается в руки какой-то одной из множества этнопартий. Говоря проще, вся власть вручается одной личности, которая с неизбежностью будет опираться на ограниченный круг «своих» людей. В результате этого все остальные этнопартии в силу самой логики функционирования подобной политической конструкции выталкиваются из сферы, где принимаются основные решения о распределении ресурсов и назначении на руководящие должности. Они неизбежно отодвигаются на обочину политико-экономических отношений, маргинализируются и, как следствие, уходят в оппозицию и радикализируются. Поскольку открытая оппозиция власти уже почти не практикуется, политическая борьба перемещается «под ковер». Получается, что Кремль, устанавливая на Кавказе жесткую вертикаль власти, запускает механизм усиления жесткой и нелегальной конфронтации власти со стороны всех, оставшихся за пределами выстраиваемой «вертикали». Таким образом, усилия по укреплению вертикали власти одновременно с этим расширяют и усиливают сопротивление ей. Конфликтов в системе управления вообще избежать невозможно, но теперь все конфликты вытесняются из легального пространства и подлинные «схватки бульдогов под ковром» получают освещение в СМИ в виде навязших на зубах штампах про «лесных братьев», «ваххабитах» и т.д.

Этот механизм и набирает сейчас обороты в республиках российского Кавказа. И в этом контексте вступают в силу такие важные показатели реальной жизни, как общий рост недовольства населения, в особенности молодежи, условиями своего существования. Их агрессивность встречает отклик со стороны оппозиционных власти этнопартий и направляется ими в нужное им русло. Протестные выступления населения могут быть вызваны действительными злоупотреблениями чиновников, могут быть и спровоцированными сознательно – это не суть важно для понимания того, о чем я сейчас говорю. В данном контексте важно оказывается то, что они подрывают авторитет власти, дискредитируют ее в глазах центра, срывают ее планы и начинания и потому получают существенную поддержку скрытой оппозиции. Крайней формой такой борьбы являются убийства наиболее влиятельных деятелей, значимых сподвижников высшего руководителя, а то и покушения на самых высоких лиц в республиках. Все идет в дело – акции по подрыву экономического влияния, резонансные эксцессы, например, убийство ни в чем не повинной русской семьи, другие, значимые с точки зрения общественного резонанса акции, рассчитанные на дискредитацию власти, ее дееспособности, приемы шантажа, саботажа и прочее. Эту грязную работу, поскольку легальные

формы конфликтов уже практически не практикуются в политическом процессе, выполняют криминальные структуры, которые и объявляются «отморозками», «религиозными фанатиками», которых при обнаружении даже не считают нужным арестовывать – их просто убивают на месте и, тем самым отправляют все «концы в воду». В результате сложившаяся конструкция оказывается крайне эффективной и неуязвимой. В этой связи важно отметить, что силы и жизнеспособность криминальных структур этого рода на Кавказе обусловлены именно их функциональной встроенностью в политический процесс.

В результате этого складывается, казалось бы, парадоксальная ситуация. Москва все более и более усиливает свое влияние на каждую из республик Северного Кавказа, власть центра действительно все более усиливается, а, с другой стороны, все это еще более усугубляет обстановку. Когда вся власть отдана одной из этнопартий и когда политический процесс не может проявлять себя в легальных формах политической борьбы, он не исчезает, он осваивает скрытые пространства.

Следует отметить, что помимо криминальных структур, нашедших себе удобную нишу в противостоянии этнопартий, находят себе некоторые специфические функции также и работники официальных силовых ведомств. Являясь по своему назначению преградой между миром легальных отношений и криминалитетом, немалое количество работников силовых ведомств используют в вышеописанном процессе противостояния этнопартий свое положение в своих корыстных целях. В ситуациях, когда сфера нелегальных отношений оказывается столь значимой в реально протекающих политических процессах, многие деятели правоохранительной системы активно включаются в него и их вес на этом поприще постепенно становится все сильнее. В этом контексте война между милиционерами и группировками «исламских экстремистов» может быть осмыслена по-новому.

На этом я закончу соображения, которыми хотел поделиться с вами.

Ирина Бабич. У меня вопросы. Первый вопрос. Вы сказали про семь республик Северного Кавказа. Вот это интересный момент. Сейчас обозначилась такая тенденция называть регион не Северный Кавказ, а Южный федеральный округ или Юг России. Так говорят. Это очень явная тенденция. А вот Вы все-таки решили выделять. Причем, я с Вами согласна, но вопрос в следующем: может быть, действительно какой-то термин нам продумать, т.е. как-то сформулировать это выделение.

Энвер Кисриев. Я с Вами согласен. Например, после развала СССР появилось наименование для закавказских республик – Южный Кавказ. Раньше так не говорили. Они сами предпочитают определять себя как Южный Кавказ, т.е. тем самым подчеркивая, что они не «за» Кавказом, а «на» Кавказе, на Южном Кавказе. Здесь есть какой-то политический подтекст; получается, вот мы – Южный Кавказ, а вы – Северный Кавказ. Мы – одна часть Кавказа, а вы, как бы, другая часть. Можно говорить о Северном Кавказе в целом. Но Вы знаете, что это географическое понятие включает в себя и Ставропольский край, и Краснодарский край. Теперь появилось понятие Южный федеральный округ, куда входит уже и Астраханская, и Волгоградская области, и Республика Калмыкия. Т.е. геополитическая конструкция еще больше размывается. С другой стороны, Вы видите, после прошлогодней войны с Грузией образовалось два новых государства – Южная Осетия и Абхазия, которые конечно будут дружественными России, и тем самым получилось, что в сфере влияния России оказались все горские народы Кавказа, все те, кого называют «кавказскими горцами». Т.е. теперь, по-видимому, их не будут относить к Южному Кавказу, к которому могут быть теперь отнесены «негорские» народы – армяне, азербайджанцы и грузины.

Ахмет Ярлыкапов. Грузины – горский народ, я не согласен. У грузин, как раз, кавказская культура, в отличие от армян и азербайджанцев. Я согласен, армяне и азербайджанцы – да, скорее ближневосточные народы по своей культуре. Но грузины – кавказцы.

Энвер Кисриев. Согласен и поэтому я предпочитаю не говорить в этих терминах, а использовать понятие «республики российского Кавказа». Мы говорим о семи республиках российского Кавказа и о республиках Абхазии и Южной Осетии. Это очень важно для нас. Между прочим, эти вопросы наименований – это зачастую вопросы, которыми должно целеустремленно заниматься государство. Культивирование и навязывание геополитических категорий в общеупотребительный оборот – важная составляющая политической борьбы между государствами. Это и для России должно стать целенаправленной работой. Вот закавказские политики, я думаю, сознательно заменили слово «Закавказье» на «Южный Кавказ». А «Средняя Азия» превратилась в «Центральную Азию». Я думаю, этим занимались целеустремленно. Мы можем выделить эту проблему как один из важных для формирования государственной идеологии вопросов.

Ахмет Ярлыканов. Это важнее, чем мы об этом думаем. Вы на это обратили внимание. Я тоже об этом думаю.

Энвер Кисриев. Этим должны эксперты заниматься и прорабатывать, и внедрять в публикации, в общественно-политический дискурс, но для начала все должно быть хорошо продумано.

Ирина Бабич. У меня еще второй вопрос. Мне очень интересно Ваше выступление, потому что я в корне не согласна по поводу Ваших этнопартий в отношении Северо-Западного Кавказа. Т.е. не то, чтобы не согласна, для у меня это больше предположение, чем утверждение. Потому что мне как раз кажется, что для Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии (не совсем Северо-Западный Кавказ, но тоже) – характерна слабость политических «партий». Когда политические движения и «партии» там возникали в начале 90-х годов, я специально занималась их исследованием. Издала даже сборник документов этих движений. Меня как раз поразило, что в начале 1990-х годов создавалось много партий, и они не смогли хоть сколько-нибудь консолидироваться. Т.е. здесь, если брать эту тему, можно ее даже как сквозную брать, потому что очень интересна возможность, способность создавать политические партии, интересно исследовать, на какой основе они создаются – национальной, религиозной или какой-нибудь иной. Вот способность создавать эти партии – это очень большая проблема для народов Адыгеи, Карачаево-Черкесии ... Это были общественно-национальные движения. Они были настолько узконациональными, что не могли объединиться. Например, кабардинцы не объединились с балкарцами...

Деньга Халидов. Почему национальная партия не может существовать? Мы знаем из практики Западной Европы, что есть национальные партии. Вы рассуждаете в терминах и понятиях, которые спущены из федерального центра, согласно которым невозможно создать национальные партии. Тогда как в многосоставных обществах, о которых и Энвер Кисриев писал, и я пишу, четко выделяются этнопартии.

Ирина Бабич. Я не говорю о невозможности, я говорю о том, что они не смогли это сделать ...

Деньга Халидов. В классическом смысле этого слова у кабардинцев была партия – это Конгресс кабардинского народа. Он имел свои ресурсы, свой аппарат, свои возможности влиять на политическую ситуацию не только среди кабардинцев, но и среди абхазцев и адыгов. Но эту систему резко поломали, и я в своем выступлении об этом скажу, что есть разница в прочтении, в понимании ситуации на Северном Кавказе у местных экспертов, которые включены в сам процесс, и у, извините за выражение, кабинетных экспертов, которые изучают все только по текстам, документам, статьям.

Энвер Кисриев. Я действительно не так хорошо знаю Северо-Западный Кавказ как Ирина Бабич и Наима Нефляшева. Но мне кажется, что, может быть, стоит присмотреться и обнаружить там этнопартии в клановых и иных традиционных структурах. Там же тоже есть этнические, традиционные клановые сегменты. Они сплачиваются вокруг очень богатых и влиятельных людей. И вот, например, смена президентов в Адыгее, я думаю, это какая-то смена в руководстве этнопартии. Я думаю, что там есть такие структуры. Что касается общих выводов, то в качестве таковых я бы сказал следующее: относительно Дагестана, республик российского Кавказа Москва должна применять иную модель управления по сравнению с остальными регионами России. В республиках Северного Кавказа надо чутко реагировать на то, что, во-первых, президент не должен обладать такой гигантской властью, которой сейчас наделяет его Центр. Во-вторых, и парламент, и судебная власть на местах также должны контролироваться из центра, как самостоятельные и независимые ветви местной системы власти. Необходимо также давать возможность другим этнопартиям легально участвовать в политическом процессе местного значения. Прокуратура также не должна быть подмята местной исполнительной властью. Т.е., высшие административные наиболее влиятельные посты должны быть перераспределены так, чтобы ни одна из влиятельных этнопартий в отстаивании своих интересов не вытеснялась за пределы легальной площадки политического процесса. Может быть, это не чистая рафинированная демократия, но это позволит канализировать конфликт между этнопартиями в легальные формы проявления. Конфликт, если он развивается в легальном пространстве, например, разоблачительные публикации, всяческие перетягивания канатов, полемики в парламенте, апелляции к суду и проч., делают общую ситуацию прозрачной, растет общественная заинтересованность и необходимость общественного консенсуса. Ситуация радикально изменяется, потребности в подковёрной борьбе, в привлечении криминали- тета существенно ослабевают. Т.е. нужно создать, грубо говоря, искусственно внедрить

в структуру руководства северокавказских республик определенный баланс прерогатив и обязанностей, который будет обеспечиваться противостоящими этнопартиями местного значения. Они будут конкурировать и контролировать друг друга, а Москва как третейский судья, обладающий, благодаря всему этому, подлинной информацией о происходящем, могла бы разруливать наиболее сложные и спорные вопросы. Тогда многие проблемы будут решаться самим механизмом легального противостояния сил, а Москве остается только санкция высшего арбитража. А в том случае, когда Москва всю силу своего влияния делегирует одному человеку, назначенному президентом, ей приходится тратить всю эту силу на то, чтобы защищать его от критики и нападков и удерживать его у власти. Тем самым Москва превращает все «игрою счастья обиженные роды» в своих врагов. Потому что тот, кто становится президентом, начинает, как говорится, «всех строить». А этос кавказца таков, что смириться с тем, что один человек со своими приближенными решает все, очень трудно. И если «обиженные» очень богаты и имеют серьезную поддержку в традиционных сегментах общества, то очень вероятно, что «свои» подтолкнут своих лидеров на нештучную конфронтацию с властью. Мы говорим: исламский терроризм, ваххабизм. Какой там ваххабизм! Есть серьезные основания говорить, что это – скрытые формы борьбы между этнопартиями. Между прочим, западная демократия существует не потому, что там все такие культурные и «уважают» критику и прочее, просто там ожесточенные политические конфликты уже давно институционализировались и протекают в легальном пространстве на глазах у публики.

Ирина Бабич. Разделяете Вы национальные движения и политические? В чем разница?

Энвер Кисриев. Конечно. Возьмем, например, Аварское народное движение. Эта организация объединяет всех аварцев. Сейчас аварец занимает пост президента Республики Дагестан, но самую серьезную оппозицию ему сейчас составляет ряд именно аварских этнопартий. Не лезгины как вся национальность сейчас проявляют активность в борьбе на политической площадке республики, а отдельные, часто противостоящие друг другу лезгинские этнопартии.

Ирина Бабич. Эти группы этнические или политические?

Энвер Кисриев. Ни те, ни другие в классическом их понимании. Это значит, что они – игроки на политическом поле, но ресурсы их внутренней сплоченности и организацию они черпают в структурах традиционалистской связи и солидарности. Но, как правило, не на уровне всей национальности, скорее, на субэтническом уровне. В Дагестане, например, крупный джамаат может стать основой влиятельной этнопартии или союз джамаатов, сельский район, союз породнившихся тухумов (родов) и т.д. В других республиках могут быть другие своеобразные солидаристские группировки.

Ирина Бабич. А у них есть политические взгляды?

Энвер Кисриев. Нет, в общепринятом понимании этого понятия. Это не политические партии как объединения людей с общей социальной идеологией. Но идеология у них тоже есть. Это может быть преданность своей «малой родине», национализм. Иногда приверженность тому или иному шейху, тому или иному тарикату может служить закреплению «этнопартийной» солидарности. Иногда взаимные обвинения в «ваххабизме» могут служить идеологическому размежеванию между этнопартиями. Идеология как ресурс преданности и сплоченности. Я, между прочим, подозреваю, что и на Западе идеологические различия не есть причина партийных размежеваний, а, наоборот, – их политические размежевания требуют идеологического подкрепления.

Ирина Бабич. Я так понимаю, что можно отойти от узко национальных вопросов на более высокий уровень.

Энвер Кисриев. Да, но не знаю можно ли назвать это более «высоким уровнем». Это уровень, где «этнография» - это только идеология, а цели этнопартий сугубо политические – это достижение и (или) отстаивание своих материальных и должностных прерогатив. Сейчас, после того, как политический процесс стал развиваться исключительно через противостояние известных общероссийских политических партий, этнопартии встраиваются в эту систему, но занимаются тем же своим делом. Скажем, лидер этнопартии, которому не нашлось места в первых рядах партии власти, берется за организацию местного отделения совершенно непопулярной в Дагестане партии «Яблоко» и побеждает на выборах главы администрации сельского района. Но надо понимать, что об идеологии партии «Яблоко» речи здесь нет.

Ирина Бабич. Но она способствует объединению политических сил, и в результате они не могут никогда победить.

Энвер Кисриев. Почему не могут победить? Они побеждают потому, что задействуют ресурс традиционной солидарности, а прикрываются политическими брендами легальной политической конструкции.

Деньга Халидов. Чтобы решать политические процессы на Северном Кавказе, хорошо бы ознакомиться хотя бы с политическим процессом в Швейцарии. Там много аналогий с Северным Кавказом. Потому что когда ты говоришь «этнопартии» – ты вкладываешь в это одно содержание, а люди, которые тебя слушают, – другое. Так вот, это не просто этническая партия...

Энвер Кисриев. Это не национальные, но, как правило, субэтнические объединения.

Ирина Бабич. Надо эти понятия как-то развести.

Энвер Кисриев. Мне казалось, что я их развел. Но у Бобровникова как-то прочитал, он использует понятие этнопартии со ссылкой на меня, но далее дает ему определение далеко не то, которое я имею в виду.

Деньга Халидов. Концепция этнопартий как реальных политических субъектов очень плодотворна в научном и практическом плане. Она позволяет понять реальные механизмы функционирования политической системы на Северном Кавказе. Здесь прозвучала мысль, что этнопартии в строгом смысле этого слова нельзя считать политическими партиями, ибо у них нет идеологии. И вообще, с какими регионами и странами сравнивать, скажем, дагестанские политические реалии, на которых и строится концепция «этнопартий»?

Я бы ответил на этот вопрос так. Концепцию *этнопартии* Кисриева и дагестанские политические реалии надо сравнивать с бельгийскими и швейцарскими политическими реалиями. Такие же этнопартии действуют и в этих странах, где политики и исследователи имеют дело со сложными, обществами, состоящими из различных этнолингвистических сообществ. Правда, с другой стороны, политические реалии в ряде

республик правомерно сравнивать с Сицилией и Неаполем, где мафиозные структуры очень сильно влияют на политический процесс. Но мы не будем останавливаться на этом, это отдельная и не менее интересная тема для дискуссии, ибо вместо реальной антикоррупционной и анитимафиозной борьбы в регионе Центр лишь имитирует ее и, более того, зачастую сам, в лице отдельных ведомств, ее провоцирует.

Так вот, политические интересы этих этнолингвистических сообществ (в странах Запада) выражают именно партии, построенные, главным образом, на этнолингвистической солидарности. Соответственно, они бдительно следят за соблюдением квотного принципа при формировании исполнительной и законодательной органов федеральной власти. К примеру, так обстоит дело в Канаде и Испании, Бельгии и Швейцарии. Чем это отличается от Дагестана или Кабардино-Балкарии? Тем, что у нас федеральным законодательством запрещено строить партии на этнонациональной основе. Но жизнь не загонишь под закон так легко. Здесь неформальное (теневое) право оказывается сильнее, нежели формальный закон и право. В своей статье «*Конструкция власти в республиках региона: поиски оптимальной формы продолжаются*» («Обозреватель», 2006 г.) я писал об этом, о противоречиях между федеральным законодательством и реально функционирующим политическим правом и обычаями народов Северного Кавказа. Писал, что такое положение приводит к накоплению напряжения в обществах, росту конфликтного потенциала в республиках, что необходимо искать оптимальные формы политической конструкции с учетом сложного характера обществ в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Унифицированная форма власти, одинаковая, к примеру, для Ивановской области и Дагестана, ни к чему хорошему не приведет. В такой постановке проблемы нет никакого противоречия с Конституцией Российской Федерации. Федерация на то она и федерация, чтобы учитывать региональные и национальные особенности, как это делается в Испании и США, или Канаде и Бельгии.

Так вот, такая постановка проблемы мало кем осознается в республиканских парламентах, где сплошь бизнесмены и другие далекие от правотворчества люди. Надо ставить вопрос о мониторинге и экспертизе реально функционирующего права (гражданского и политического), как это делалось, к примеру, в конце XIX века по указу Петербурга на Кавказе. И не надо бояться такой постановки проблемы, ссылаясь на то, что «это несовременно». Пока закон лишен социальной легитимации, его будут нарушать все, кому не лень. Европейское право и закон выростали из реальной жизни, и никто там не молился на чужой обычай и чуждое право. Принципы федерализма позволя-

ют нам отстраивать жизнь в республиках, опираясь, в том числе, и на привычное для наших людей и народов право и обычай. Только надо распознать это «привычное» неформальное право. Распознав – кодифицировать и ввести в законодательную практику, а не ссылаться на то, что «это не соответствует федеральному закону». Дело в том, что федеральная законодательная практика зачастую вторгается в сферу компетенции и республик - субъектов Федерации. Тут надо исходить из соображений целесообразности и максимальной легитимности закона, если мы хотим, чтобы он работал.

Мой прогноз таков: этнополитические противоречия в ряде республик региона будут нарастать. Один из главных факторов – несоответствие политической и правовой формы сложной природе обществ в этих республиках.

Другая тенденция, сложившаяся в последние годы, на которую я хотел бы обратить внимание – это перерождение силовых и правоохранительных институтов в процессе проведения контртеррористических операций (КТО). Налицо все больше элементов дисфункции в их деятельности в регионе, когда корпоративные (меркантильные, коррупционные) интересы диктуют специфические практики в процессе КТО, когда страдают невинные граждане страны. КТО сопровождаются абсолютно неуместными штурмами квартир и частных домов при мощном информационном сопровождении, а правоохранительные органы, зачастую, на основе одних подозрений в принадлежности к вахахабитам-салафитам причисляют того или иного местного жителя к террористам-экстремистам.

Эксперты в регионе давно уже сделали для себя вывод: все эти религиозные ярлыки рассчитаны на внешнее употребление, чтобы ключевым моментом в региональной «повестке дня» был всегда террор и борьба против него в ходе контртеррористических операций. На наших глазах происходит рутинизация антитеррористических практик. В федеральном бюджете отдельной строкой расписаны огромные суммы (в десятки млрд. рублей) на «борьбу с терроризмом». Поэтому, если даже терроризма нет, то надо ситуацию представить так, что он всегда здесь в наличии. Таким образом, «умелыми» действиями федералов и их ставленников в соответствующих структурах на местах весь регион постепенно палестинизируется.

Закон «О борьбе с терроризмом ...» дает широкие полномочия произвольного толкования ситуации «законного» оправдания ведения этого режима в том или ином районе. В результате подавляющее большинство боевиков – это люди, которые выбрали подполье как единственно возможный способ обеспечения своей безопасности и достижения справедливости. Никто не хочет повторять судьбу тех сотен людей, с кем

расправились без суда и следствия, людей, которые бесследно исчезли благодаря своеобразным «эскадронам смерти» в камуфляжной форме. Этот питательный идеологический «бульон» подвергается уже в последующем идеологической обработке со стороны непримиримых «ваххабитов» (их всего около 5-10% из всех боевиков), давая им легитимность с позиций неадекватно интерпретированных норм ислама. Это серьезная проблема, которая остается вне пристального внимания светских властей и Духовных управлений мусульман на Северо-Восточном Кавказе. Вместо диалога и интеграции – отчуждение и недоверие.

Разумеется, все факторы, провоцирующие уход в подполье к боевикам, действуют в комплексе. Это и слабый образовательный уровень, проще говоря – невежество вкупе с амбициями, и родственные связи с экстремистами и др. И все это – на фоне предельно безнравственного (богоборческого и оскорбительного для мусульман) информационно-культурного фона на ТВ и кричащих социальных противоречий в обществе. Как следствие, в обществе умножаются отчуждение и апатия у одних, скрытая легитимация терроризма и экстремизма у других, и ярко выраженный протест и готовность уйти в подполье у третьих. Но в целом, все эти группы – не совсем потерянный контингент, с ними еще можно и нужно работать.

Ахмет Ярлыканов. Энвер Фридович, я думаю, Ваше выступление задало нам отличные ориентиры для обсуждения. Я хочу сказать, что в Вашем выступлении есть серьезное зерно, которое наталкивает на основательные размышления. Я хотел бы Вас поддержать, что содержание того термина, который Вы используете для описания процессов, происходящих на Северном Кавказе вообще и в Дагестане в частности, понятно, но не соответствует приставке «этно». Я отлично понимаю, что Вы берете этот термин в кавычки, но, тем не менее, критика коллег справедлива. Надо как-то объяснить – в первую очередь читателю – что Вы имеете в виду под «этнопартиями». Несмотря на то, что описанное Вами очень похоже на некий конструкт, тем не менее, это тот конструкт, который реально работает, как минимум, в Дагестане.

И, возвращаясь к нашей дискуссии насчет географических терминов, хочу сказать, что относительно недавнее, по крайней мере, используемое в трудах Кобычева разделение на Дагестан и Северный Кавказ ...

Энвер Кисриев. Это в 20-х годах было.

Ахмет Ярлыкапов. Да, и в 1920-е годы тоже, но труды Кобычева были гораздо позже. Для истории это совершенно маленький период – 20-е годы прошлого века. Дагестан действительно часто выделялся из состава Северного Кавказа в качестве отдельного субрегиона или даже региона и мне кажется, совершенно справедливо. Потому что Дагестан – это вполне самодостаточный край и может на полных основаниях выделяться в отдельный регион.

Если говорить о каких-то тенденциях, то я хотел бы несколько фрагментарно, но, тем не менее, обратить внимание на интервью, данное Анзором Астемировым Джеймстаунскому фонду в марте этого года. Астемиров, он же амир Сайфуллах, говорил в этом интервью об очень важных вещах, в том числе и о том, что один из лидеров адыгского национального движения перешел буквально в последние годы своей жизни на их сторону – на сторону, как он говорит, «исламского движения сопротивления». Речь идет о действительно важной фигуре – Султане Асламбековиче Сосналиеве. Астемиров сказал буквально следующее: *«Этой зимой мы потеряли очень ценного соратника и долговременного сторонника – генерала Султана Сосналиева, известного в кавказском подполье под именем Абу Мурат... Очень мало людей знало об его дружбе с руководителями моджахедов, например, с Шамилем Басаевым и другими... Султан долгое время был нашим братом по вере, нашим крупным советником и стратегом. Он мечтал о смерти на поле битвы. Но по предопределению Аллаха Султан умер от серьезной болезни. Это невосполнимая потеря для Имарата Кавказ».* На возражение корреспондента Фатимы Глисовой, что такое заявление «может вызвать волну недоверия», Астемиров ответил: «Я выполнил последнюю волю Султана и сообщил о его истинной деятельности».

И действительно, после публикации этого интервью была очень серьезная дискуссия на адыгских форумах, и многие адыгские национальные деятели просто не верили и говорили, что Анзор Астемиров врет. Однако, мне кажется, он врать не будет. И это очень интересная тенденция, на которую, может быть, просто стоило бы обратить внимание, потому что в целом по Северному Кавказу идет постепенная смена этнической повестки дня на некую глобальную исламскую, а часто и исламистскую. А этот конкретный случай просто очень ярко выделяет эту тенденцию. Конечно, не надо ее преувеличивать, конечно, этническая идентичность сегодня явно превалирует над религиозной, однако видеть тенденции необходимо.

Если говорить о Дагестане, то я хотел бы сказать, что очень не хочется мне так думать, но развитие дагестанского общества сегодня идет, к сожалению, по израиль-

скому варианту. С очень серьезным разделением общества на ультрарелигиозную часть, которая имеет собственные структуры, собственную экономическую силу, собственную политическую силу, и светскую часть. Вполне самодостаточная ультрарелигиозная часть в Израиле, кстати, существует часто абсолютно без помощи государства. И есть абсолютно светская часть общества, которая далека от религиозных идеалов. При этом у нас в Дагестане и те, и другие считают себе мусульманами и не видят в этом никакой разницы. И в Израиле то же самое. И те, и другие считают себя иудеями. Тем не менее, они абсолютно разные по своим убеждениям, они абсолютно разные по взглядам на пути развития общества. И эта «израилизация» дагестанского общества последние несколько лет все больше и больше набирает обороты. Мне кажется, что это достаточно серьезная тенденция, которая требует нашего внимания.

Наконец, я хотел бы обратить внимание на то, что происходит в экономической сфере и не внушает никакого оптимизма, поскольку экономика наших северокавказских республик до сих пор осталась полностью закрытой, абсолютно неререформируемой и совершенно не подверженной хоть какому-то серьезному влиянию со стороны центра. Если даже такие крупные компании, как «Перекресток» со своими финансами и со своим влиянием не имеют возможности проникнуть в очень лакомый для них – Дагестан, в Махачкалу, в Нальчик и т.д., то это очень серьезный знак для всех, не только для экономистов, но вообще для всех. Потому что полная экономическая закрытость, полный местный контроль, который даже на этом одном примере можно вывести, создает достаточно туманные перспективы развития ситуации.

Если уходить от глобального и переходить к чему-то конкретному, с учетом влияния экономического кризиса, тоже многое внушает опасения, потому что происходит очень серьезный отток рабочей силы из таких центров, как Москва, Сургут и т.д. Т.е. люди теряют работу и в первую очередь ее теряют кавказцы. Я знаю массу примеров: с начала 2009 года в числе знакомых моей семьи было больше десятка людей, семей, которые вернулись обратно в Дагестан, лишившись работы в таких серьезных структурах, как Вимм-Билль-Данн, например. В первую очередь увольняют, естественно, кавказцев. Это как бы само собой разумеется. Люди возвращаются обратно домой и создают там дополнительное напряжение, дополнительную нагрузку на дагестанскую экономику и, я думаю, не только на экономику. Плюс это неизбежно приведет к усугублению тех проблем, которые там и так есть. В том числе и с русскими. Потому что люди вернулись – где им работать? Будут задействованы различные связи – этнические, клановые, фамильные, дружеские. Там-то кого будут увольнять? Там будут

увольнять русских (и представителей других некоренных народов), чтобы взять своих. Я надеюсь, что этого не будет, но, тем не менее, практика показывает, что это, как правило, так.

Есть еще масса серьезных проблем на самых разных уровнях: от республиканского (которые мы уже затрагивали) до муниципального. Ведь очень серьезные проблемы муниципального уровня не решены. В Кабардино-Балкарии это проблема межселенных территорий, которая создает весьма серьезное напряжение в обществе. Но эта проблема, если она будет пущена на самотек, будет решена абсолютно несправедливо в отношении одной из так называемых этнопартий и неизбежно приведет к дальнейшей эскалации напряженности. Проблема межселенных территорий решалась как-то кабардино-балкарской властью. Я читаю официальные сообщения, что эта проблема «почти решена и снята». Эта проблема была почти снята, когда было проведено обсуждение в кабардино-балкарском парламенте. В парламенте провели решение, чтобы отменить введение этих межселенных территорий и вернуть эти земли, как правило, балкарским селам. Но у нас парламент – это еще не все. И решение этого вопроса застряло на президентском уровне, насколько я знаю. И, к сожалению, сейчас очень серьезное давление идет со стороны кабардинских национальных движений. Очень серьезное давление, в т.ч. и на уровне легальном. Основной аргумент заключается в том, что здесь решение было принято на основе требований одной этнической группы. Т.е. кабардинское движение вроде бы свои этнические проблемы решает, но при этом указывает на то, что решение было принято в угоду балкарскому этническому движению. Поэтому проблема, к сожалению, еще не решена и еще продолжается эта история. Будем надеяться, в Кабардино-Балкарии все-таки найдут формулу, которая устроит всех.

И есть очень серьезные проблемы муниципального уровня в Ингушетии, в Северной Осетии, в Чечне. Муниципальным уровнем, мне кажется, мы не должны пренебрегать, должны уделять ему очень серьезное внимание.

Вадим Муханов: Вот Ахмет Ярлыкапов сказал о выдавливании с определенных позиций, я так понимаю под воздействием кризиса, лиц кавказской национальности и т.д. Можно уточнить, какие позиции занимают люди в этих компаниях, потому что данные различны. Очень интересно, насколько масштабно это явление. Можно назвать эту тенденцию масштабной или все-таки это в только определенных отраслях происходит.

Ахмет Ярлыканов. Вадим очень серьезный вопрос на самом деле поднял, потому что, я считаю, кризис и его влияние на кавказцев было бы очень неплохо изучить социологически. Потому что, к сожалению, никто никогда нам не даст реальных цифр, сколько кавказцев было уволено на этих предприятиях, с каких позиций они были уволены. И вообще, куда они потом вернулись, как все это решалось. Понимаете, это все очень серьезный механизм, который запускает глубокие процессы практически по всей стране. И главное, что запускает их на Кавказе. Я могу лишь судить на основе своего этнографического круга, т.е. на уровне знакомств своей семьи. Это были люди, работавшие на уровне среднего звена. Если говорить о Вимм-Билль-Данн, то это технологи, люди, не занимающие очень высоких позиций, но, тем не менее, люди профессионального среднего звена, люди, которые добились многого за эти вот несколько лет, которые они прожили в Москве. Т.е. шли сознательно по этой должностной лестнице и добились какого-то, пусть небольшого, положения. И сейчас оказались выброшенными, потому что понятно, что Вимм-Билль-Данн, находясь в Москве, будет в первую очередь увольнять, так уж заведено, кавказцев.

Деньга Халидов. В нашем движении «Российский конгресс народов Кавказа» определенная статистика наработана по этому поводу, но она недостаточна для серьезных выводов, но для выдвижения гипотез она достаточна. Действительно, есть такая тенденция выдавливать в первую очередь кавказцев, потому что считается, что они на рабочих местах ведут себя более конфликтно, чем китайцы, чем лица из Средней Азии, и более уязвимы в плане правовой защиты.

Энвер Кисриев. Будем надеяться, что кризис долго не протянется, а пока продолжим наше обсуждение. Слово просит Наима Нефляшева.

Наима Нефляшева. Я хотела бы на примере Западного Кавказа порассуждать о том, насколько то, о чем говорил Энвер Фридович, работает на этой территории, и где-то в своем выступлении я хотела бы поддержать и продолжить то, о чем говорила Ирина Бабич. Дело в том, что Адыгея отличается своей спецификой. Она с одной стороны вписана по всем своим базовым культурным показателям в северокавказское культурное пространство, и одновременно выпадает из него. И этот регион действительно очень сильно отличается от других республик Северного Кавказа, прежде всего тем, что, во-первых, местное адыгское население в Адыгее представляет собой численное

меньшинство, а во-вторых, Адыгея представляет собой анклав Краснодарского края. Адыги составляют 24% в общей численности народов Республики Адыгея. Этот демографический перекоп есть следствие махаджирского движения – переселения адыгского населения в Османскую империю в ходе Кавказской войны XIX века.

Но, с другой стороны, адыги обладают влиятельной ближневосточной диаспорой в Турции, Иордании, Сирии, европейскими диаспорами в Германии и Голландии. В Турции, Иордании, Сирии черкесы – это часть правящей элиты этих государств. Разные авторы определяют численность адыгов за пределами своей исторической родины от 5 до 7 млн человек. Адыгская диаспора, безусловно, подверглась всем тем трансформациям, которые произошли в странах, ее принявших, и на сегодняшний день, конечно, есть определенная культурная дистанция между российскими адыгами и адыгами, скажем, с Ближнего Востока. Она проявляется не только на поведенческом и бытовом уровне, но и на уровне базовых характеристик адыгской культуры. Причем изменения, происходящие в условиях глобализации, у российских адыгов очень динамичны. В ходе социологических исследований было установлено, что у разных возрастных групп адыгов системы ценностных мотиваций существенно отличаются.

Я неслучайно подчеркиваю наличие диаспоры у адыгов как факт, составляющий специфику региона. Лидеры диаспоры проявляют постоянную и пристальную заинтересованность, в том, что происходит на Северном Кавказе. А в последнее время голос лидеров диаспоры слышен и в ходе политических баталий. В 2005 году Москва готовила почву для реализации проекта слияния Адыгеи и Краснодарского края. Именно общественный резонанс за пределами России, который обеспечила адыгская диаспора, стал одним из факторов, пусть и не самым решающим, предопределившим сворачивание этого вопроса в Кремле.

Наконец, есть еще один момент, на который следует обратить внимание. После августовских событий 2008 года и признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии изменилась не только геополитическая конфигурация всего Северного Кавказа, но новый ракурс приобрели давно существующие на западе региона проблемы. Во-первых, признание Россией геноцида Грузии по отношению к народам Южной Осетии дало новый импульс теме признания Россией геноцида адыгов, совершенного Российской империей в период Кавказской войны в XIX в. Во-вторых, принимая во внимание факт абхазо-адыгского этногенетического единства, опыт боевого содружества в период абхазо-грузинской войны и наличие влиятельной адыго-абхазской диаспоры на Ближнем Востоке, стала очевидной необходимость выстраивания устойчивых

отношений Центра с Адыгеей, Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией. Все это может дать России дополнительные инструменты для вовлечения Абхазии в российское политическое пространство, символически, таким образом, отодвигая дальше российские границы.

Что касается возможности партий, я согласна с Ириной Бабич, что этнопартии в том понимании, в котором Энвер Фридович предлагает вычленить их на территории Дагестана, существуют на Западном Кавказе в очень своеобразном виде. Специфика структурных особенностей адыгского общества, его ярко выраженный индивидуалистичный характер (об этом, кстати, в своих записках о Кавказской войне писал еще генерал Ростислав Фадеев, подчеркивая, что на Западном Кавказе с каждым нужно разговаривать в отдельности) ведут к тому, что так называемые этнопартии основываются не всегда на субэтнических идентичностях и образуются по принципу комплиментарности уже после прихода к власти того или иного человека. Не этнопартия приводит человека к должности, а наоборот, новый лидер формирует свою этнопартию, которая уходит в политическое небытие, как только прекращается срок его полномочий. Сказывается и то, что на современном Западном Кавказе, в отличие от Дагестана, отсутствуют сильные традиции оппозиционной политической культуры, интеллектуальная пресса, невысока политическая активность молодежи, политические претензии которой, как правило, обращены в будущее через преодоление исторических травм прошлого и вращаются вокруг темы Кавказской войны, геноцида адыгов и ислама как средства радикального переустройства адыгского общества, средства возвращения его к «золотому веку», ко временам Черкесии до ее соприкосновения с Российской империей. Правда, оговорюсь, что на самых раскрученных черкесских порталах градус обсуждения политических проблем очень высок, посетители форумов демонстрируют высокую активность и культуру интеллектуальной полемики: думаю, в ближайший год именно глобальная сеть вытеснит все остальные площадки для дискуссий.

В Адыгее, когда приходит к власти новый президент, то, так же как и на всем постсоветском пространстве, также как и во всем мире, он формирует свою команду. Но команда эта формируется на основании кланово-родовых обязательств и взаимоотношений. Все ключевые посты в республике – начиная от главного врача крупной больницы и до министерских кресел, занимают люди, находящиеся или в родстве с президентом, или связанные с ним узами давней дружбы.

Что касается использования существующих в России политических партий

для прохождения во власть, то в период президентства Хазрета Совмена (2002-2007 гг.) ему оппонировали братья Нальбий и Мухарбий Тхаркаховы, контролирующие наиболее благоприятный в сельскохозяйственном отношении Кошехабльский район (они вошли в политику как представители Аграрной партии), мэр Адыгейска, известный политик Ким Мамиек (представитель КПРФ), а также еще несколько человек из команды бывшего президента Аслана Джаримова. Однако я не назвала бы их лидерами определенных этнопартий, считая их оппозиционность выражением скорее личных, чем политических пристрастий, и не рассматривала бы их как «вершины айсбергов», лидеров, за которыми стоят какие-то разветвленные структуры. Большая часть бывших соперников очередного президента, которые еще недавно оппонировали ему на выборах, пытаются найти с ним общий язык, принять его правила игры. Т.е., происходит погашение оппозиционности между ними. И единственно возможной оппозицией, могут быть, и есть те люди из Адыгеи, которые находятся в Москве. Если какие-то оппозиционные импульсы исходят, то это импульсы из Москвы, а не из самой республики.

Невозможно не сказать и еще об одной тенденции, которая все четче обозначается на Западном Кавказе. Происходит тотальная космополитизация молодежи. Я рассматриваю этот процесс, с одной стороны, как объективный, он вызван обрушением экономической системы и расширением информационного пространства. Он приводит к глубокому кризису *Адыге Хабзэ* – универсального, веками существовавшего мировоззренческого и этического комплекса представлений и правил, который уже не может удержать разгерметизированное адыгское общество, не может обеспечить сохранение адыгской идентичности в том виде, в котором она проявлялась еще 15-20 лет назад. С другой стороны, общество, интеллигенция не выработала своего национального проекта, который позволил бы вписаться в глобальное пространство и сохранить свою идентичность, т.е. я говорю о проекте модернизации Хабзэ. Любопытно, что в идентичности современной адыгской молодежи большое место стала занимать танцевальная культура и знание адыгейского языка.

В Адыгее есть два общественных движения, которые стабильно существуют в политическом пространстве Адыгеи, наряду с «Союзом славян Адыгеи», – это «Адыгэ Хасэ» и «Черкесский конгресс». Деятельность и публичная риторика «Черкесского конгресса» сконцентрирована вокруг вопросов репатриации адыгов и признания геноцида адыгов со стороны Российской империи в период Кавказской войны. Лидеры «Адыгэ Хасэ» более осторожны, более связаны с республиканской властью. У них есть

районные структуры, у них не было каких-то очень острых участков напряженности ни с предыдущим президентом Адыгеи Совменом, ни с новым – Асланом Тхакушиновым.

Возвращаясь к «Черкесскому конгрессу», хочу отметить, что я довольно давно общаюсь с лидерами этой организации, у меня есть возможность знать об их деятельности не только по тому, что они пишут в прессе, но на основании личных бесед с ними. Это очень интересное и перспективное, на мой взгляд, движение адыгов – Черкесский конгресс. Это совсем не такая организация, которая концентрируется вокруг каких-то богатых людей, как в Дагестане. За ними нет мощных кланов и больших денег. Благодаря их личной активности ими были сдвинуты с мертвой точки многие актуальные для адыгского общества проблемы, за решение которых со времен президента Аслана Джаримова не бралась ни одна республиканская государственная структура. Они в одночасье ворвались в региональную политику, под их интервью стали отводиться полосы московских и питерских изданий, к ним стали приезжать политики и журналисты из Европы и Америки, из ведущих аналитических центров Восточной Европы.

Сейчас на Западном Кавказе в связи с проведением Олимпиады в Сочи при нерешенности вопроса законодательного оформления репатриации черкесов как репатриации соотечественников возникают новые точки рисков. Это дает основание и Адыгэ Хасэ, и Черкесскому конгрессу актуализировать одно из своих базовых положений о том, что Олимпиада будет проводиться на исторических адыгских землях, там, где Российская империя совершала геноцид по отношению к адыгам, при этом она не готова потратить ни одного рубля на программу репатриации черкесов, но с легкостью вкладывает 12 млрд. долларов в олимпийскую стройку.

Жители Адыгеи ждут субсидий и новых рабочих мест в связи с Олимпиадой. Еще при Х.Совмене говорили о федеральном строительстве автодороги, которая соединит Майкоп с «большим Сочи», а так как это проект, похоже, так и не будет реализован.

И последнее, на что я хотела обратить ваше внимание. На Западном Кавказе нет традиций трудовой миграции за пределы Адыгеи, такой мощной, во всяком случае, традиции, как в Дагестане, в Ингушетии, Чечне, Карачаево-Черкесии, когда люди уезжают, скажем, в нефтяные регионы в Сибири и там предпочитают зарабатывать себе на жизнь. Самое большее, куда уезжают западные адыги – это на черноморское побережье, где работают летом, сезонно, или в Краснодар. В результате происходит следующее: критическая масса безработных людей накапливается в республике. Они, моло-

дые, амбициозные и энергичные, остаются без работы и есть определенные риски, что как раз они большей частью могут стать проблемной группой населения.

Энвер Кисриев. Ясно. Спасибо. У меня есть вопрос. Вот Вы говорите о «Черкесском конгрессе», но в Адыгее есть еще и русская довольно мощная общественная организация – «Союз славян Адыгеи», который тоже играет довольно заметную политическую роль в республике. Скажите, неужели нет у вас в республике такого, чтобы какие-то определенные влиятельные фамилии из адыгской элиты не воспользовались в своих целях авторитетом «Черкесского конгресса», помогая ему, в свою очередь? Скажем, в определенный момент «Черкесский конгресс» начинает проявлять особую активность по какому-то поводу, транслирует какие-то требования, в которых заинтересованы определенные кланы из элиты. Нет ли иногда теневого управления у этих легальных общественных организаций?

Наима Нефляшева. Есть действительно очень влиятельные адыгские фамилии, которые связаны с Москвой, с федеральным центром, но они абсолютно не нуждаются в какой-то легитимации со стороны «Черкесского конгресса», т.е. они абсолютно не используют националистические лозунги (здесь я хотела бы подчеркнуть, что термин национализм я употребляю в нейтральном значении, подразумевая под ним, как это принято в современной политологии, проекты и конкретные практики построения собственной нации) как какие-то инструменты для своих целей. Там совершенно другие вещи подключаются. Хотя и Хазрет Совмен, и нынешний президент Аслан Тхакушинов мобилизуют ресурсы Черкесского конгресса в том случае, когда на повестку дня ставится вопрос сохранения за Адыгеей статуса республики.

Энвер Кисриев. И у русских в Адыгее тоже? Я имею в виду «Союз славян Адыгеи».

Наима Нефляшева. «Союз Славян Адыгеи» - довольно специфическая организация, на мой взгляд, это в прошлом определенный бизнес-проект. Я подробно анализировала всю их прессу, выступления, опубликованные материалы съездов. Никакой, кстати, славянской составляющей – украинской, белорусской или, например, польской в их деятельности нет, и это просто броское название, которое дает им возможность

продвигать свою основную идею, идею возвращения Адыгеи в Краснодарский край, на политическом поле.

Они имеют сторонников в районах Адыгеи с преобладающим русским населением, Майкопском и Гиагинском, это в основном сельский электорат со всеми вытекающими особенностями сельского менталитета. «Союз славян» был очень активен в 1990-е гг., когда выступал против некоторых статей Конституции Республики Адыгея. В 2000-2005 гг. они настаивали на принятии закона о проведении референдума о возвращении Адыгеи в Краснодарский край. Название газеты «Союза славян» – «Закубанье» – говорит само за себя; территорию республики они настойчиво называют «Закубанье», не желая допускать адыгские этнические названия в свой политический лексикон.

Энвер Кисриев. Еще один пример политического значения в использовании географических наименований: «как корабль назовешь, так он и поплывет». А есть ли такие ситуации, что, допустим, русского предпринимателя начинают «зажимать», пользуясь тем, что во власти все-таки больше адыгейцев, и это предприниматель станет использовать «Союз Славян», помогая им материально, в разрешении своих коммерческих интересов.

Наима Нефляшева. «Союз Славян Адыгеи» действительно говорит, что «адыги подмяли под себя все», что они создали систему этнократического правления, «они преобладают во власти, в сферах образования и здравоохранения». Они (адыгейцы) даже «умирают меньше, чем русские» – такие высказывания часто встречаются в текстах газеты «Закубанье». Но они не пишут о том, что многие успешные русские бизнесмены, русские политики преуспевают в Адыгее, что они давно встроены во все бизнес-структуры и во власть республики. Есть политики, это, прежде всего, лидеры Промышленной партии, которые прошли в парламент Адыгеи в 2006 году, используя лозунги Союза славян, как оппозиционеры действующему главе республики, а теперь проявляют абсолютную лояльность. И сейчас лозунги о возвращении Адыгеи в край как-то постепенно перестали звучать в их публичных заявлениях. В свою очередь Союз славян использовал ресурс, в том числе и финансовый, этой партии на выборах, когда Нина Коновалова баллотировалась от Промпартии, а сейчас перешла во фракцию Справедливой России. Ничего нового, обычные политические рокировки.

Ирина Бабич. У меня очень важное замечание по поводу того, что говорила Наима Нефляшева о роли танцевальной культуры, что в последнее время она активно развивается. У меня сложилось такое впечатление, что в последние годы, на развитие танцевальной культуры стали выделяться огромные средства. Например, у шапсугов, которых всего 5 тыс., в Причерноморье в каждом ауле по 2-3 ансамбля обязательно! Танцевальных ансамблей огромное количество, причем они очень хорошие, шикарные национальные костюмы, профессиональное исполнение. В Майкопе такие ансамбли уже в каждой школе. Но при этом эти ансамбли той функции, которую должны по идее нести – функции сохранения национальной культуры, не несут. Это какой-то атрибут, они где-то в стороне находятся; есть реальная жизнь, в которой этих ансамблей нет. Они как бы в реальной жизни ничего не дают людям.

Наима Нефляшева. А как может ансамбль дать людям что-то в их реальной жизни, кроме заполнения времени досуга и формирования представлений о традиционных нормах культурно организованной коммуникации?

Ирина Бабич. Они не влияют на мораль общества.

Наима Нефляшева. Ну, а разве вообще танцевальный ансамбль может быть определяющим компонентом воздействия на общественную мораль? Мораль формирует общество через свою идеологию, через общественные институты, семью. Но я считаю, что даже тогда, когда такая традиция, как Хабзэ, оказывала определяющее воздействие на адыгов, даже тогда танцы не играли какой-то особой роли, они были звеном в цепи более мощной системы, которая с рождения структурировала человеческую личность, организовывала его пространство бытия. Не хорошие ансамбли и не «песни и пляски» делают адыгов адыгами, а мировоззрение, базовые понятия о чести, о своем достоинстве, о перспективах развития своего народа. Хотя функции танцевальной культуры на своем культурном участке тоже важны.

Ирина Бабич. Нет, вот эти республиканские министерства культуры, министерство культуры Причерноморья выделяет кучу денег не на создание этой морали, на поддержание идеологии, национальной культуры, а на эти ансамбли. Я хочу сказать, что процент денег, выделяемый на ансамбли, огромный. А результат почти никакой.

Наима Нефляшева. А делать ставку только на это, мне кажется, тоже бесперспективно. Потому что мы можем наверху сколько угодно инициировать программы конференций, всяких чтений, но если нет той среды, которая воспроизводит Хабзэ, и если Хабзэ перестала работать в радикально трансформирующемся обществе, то единичные меры ничего в отдельно взятой республике не решат.

Деньга Халидов. Что Вы думаете о перспективах «Черкесского конгресса»?

Наима Нефляшева. Мне кажется, что это организация, у которой, безусловно, есть потенциал. Это организация, которая будет еще набирать свой потенциал за счет связи с другими адыгскими организациями за пределами России, это организация, которая имеет своих приверженцев и в сельской местности. В периоды политических вызовов для адыгов ее деятельность будет активной. Правда, я думаю, что пик активности уже позади.

Ахмет Ярлыкапов. Еще один момент, на который обязательно надо обратить внимание. «Черкесский конгресс», несмотря на всю его малочисленность и прочие особенности, на которые обратила внимание Наима Нефляшева, он поддерживает определенные связи с другими националистическими организациями, в частности, с чувашскими и татарскими.

Наима Нефляшева. И с абхазскими.

Ахмет Ярлыкапов. И вот этот лозунг «деколонизации Кавказа», кстати, Черкесским конгрессом был взят из Грузии. «Движение за деколонизацию Кавказа» было создано в Грузии. И оттуда, мне кажется, идет идея деколонизации Черкесии.

Энвер Кисриев. Если нет больше вопросов и комментариев, тогда предоставим слово Гамиду Булатову.

Гамид Булатов. Из северокавказских республик я работал в Дагестане и в Ингушетии, но в последней мало и о происходящем там сейчас знаю в основном по сообщениям СМИ и от своих знакомых-ингушей. Что касается Дагестана, то все, что касается моей родной республики, я знаю по собственным непосредственным наблюдениям и

материалам. Но многое из того, о чем я буду говорить, касается не только отдельно взятых республик, но и всего региона Северного Кавказа в целом, поскольку, на мой взгляд, основные процессы, протекающие в различных республиках, имеют сходное содержание и направленность, но идут с разной скоростью и имеют свои локальные особенности, о которых частично говорили ранее выступавшие коллеги.

Основная особенность современного периода в политическом отношении, на мой взгляд, в необходимости смены приоритетов во внутренней политике в регионе. Эта необходимость должна осознаваться как на уровне центра, так и на уровне региональной элиты. Но в отношении последней при том ее составе, который есть в наличии, это невозможно. В 1990-е гг. основным для центра в условиях конфликта в Чечне была лояльность руководителей северокавказских республик. В обмен на это закрывались глаза на нецелевое расходование или, проще говоря, расхищение поступавших из Москвы средств. Тогда же в условиях жесткого противостояния т.н. «традиционного» ислама и ваххабитов, или салафитов, как они сами предпочитают себя называть, государство однозначно приняло сторону первых. Сейчас ситуация изменилась. Чеченский конфликт в основном исчерпан, по крайней мере, в той форме, в которой он проходил раньше. Но очень беспокойно стало в других республиках, в первую очередь, в Ингушетии и Дагестане. Сообщения оттуда напоминают прифронтовые сводки. В Дагестане, фактически, идет гражданская война. Но пока эта война вялотекущая и локальная – вылазки ваххабитов происходят то в одном районе, то в другом.

В СМИ, как в центральных, так и в местных, куда информация попадает из центральных, в последнее время обсуждается вопрос о возможности введения режима КТО на территории ряда северокавказских республик, включая Дагестан. Я считаю, что это было бы ошибкой. Это приведет к расширению территории противостояния и втягиванию в него еще большего количества людей. Необходима не военная, а полицейская операция, направленная не только против ваххабитов, но и, в первую очередь, против сложившихся на местах и реально управляющих там чиновничье-криминальных группировок. И здесь я хочу вернуться к тому, о чем начал говорить. В настоящее время уже недостаточно показной демонстрируемой лояльности. На Северном Кавказе очень сильная социальная и имущественная дифференциация, на мой взгляд, больше, чем в других регионах России. И она уже не прикрывается и не компенсируется родственными и земляческими связями, как это отчасти было в 1990-е гг. Я за последние несколько лет побывал почти во всех столицах и крупных городах северокавказских республик. И даже чисто визуально заметно, что на Дагестан, на Махачкалу денег

из центра выделяется больше. Но эти деньги не идут на социальную сферу, на развитие экономики, по-прежнему подкармливая местную т.н. элиту.

Я согласен со многим из того, что сказал Энвер Фридович относительно особенностей ситуации на местах, в том числе и о необходимости относительно равномерного распределения власти между различными группами, сформированными по территориально-этническому признаку, которые Вы называете *этнопартиями*. Но дело в том, что с теми, кто сейчас реально делит власть на местах, работать нельзя. Это элита, которая в основном сформировалась за последние лет 15. Она не может работать, она может только воровать. Поэтому, прежде чем принимать какие-либо меры (или параллельно с ними), нужна кардинальная чистка властных структур.

Я не согласен с тем, что общество нельзя конструировать – можно и нужно. И если это не делает действующая власть, то будет делать кто-то другой. И пример большевиков, на мой взгляд, как раз подтверждает этот тезис, а не наоборот. Со многим из их наследия (с разным знаком) мы сталкиваемся до сих пор, в том числе в сфере общественного сознания, в ментальных структурах. И то, что происходит в настоящее время в духовной сфере Дагестана, когда в сознание части дагестанского общества, в первую очередь, молодежи, под флагом возрождения ислама внедряется некий культурный конструкт – ближневосточно-турецкий суррогат, все это тоже подтверждение этого тезиса. И я не думаю, что лишение власти кого-либо из местных лидеров может вызвать войну или серьезное обострение обстановки. За жуликов и бандитов из членов их, пользуясь определением Энвера Фридовича, этнопартий никто умирать не пойдет. Они могут конфликтовать друг с другом, занимаясь подковерной борьбой, заказными убийствами для устранения конкурентов. Но когда за них берется государство, они попросту рассыпаются, а рядовые члены идут на службу победителю. Кто пошел воевать за братьев Хачилаевых, за бывшего председателя Пенсионного фонда Дагестана Ш. Мусаева, лидеров чародинской группировки, когда они были сначала отодвинуты от тех властных рычагов, которыми располагали, а затем убиты? Так, кстати, было и в истории, когда многие из мюридов Шамиля после его сдачи в плен и окончания военных действий служили новой власти. И хорошо служили.

При общности подходов в оценке ситуации на Северном Кавказе отличие моей точки зрения от мнения коллег, прозвучавшего ранее, заключается в том, что, учитывая особенности внутривластной ситуации там, необходимо эту ситуацию менять, проводя жесткие кадровые ротации, а потом уже с новыми, хотя бы частично, людьми, выстраивать систему власти на местах.

Теперь несколько слов о проблеме исламского радикализма, т.н. ваххабизма в регионе. «Непримиримых», стоящих на позициях неприкрытого отрицания светского общества и ведущих вооруженную борьбу, меньшинство. Намного больше «умеренных», тех, кто находится, скажем так, в духовной оппозиции к существующим порядкам, но кто вполне готов мирно существовать, если какие-то жизненные обстоятельства – произвол местных чиновников, мотив личной мести за пострадавших в такой ситуации близких - не отбрасывают его в ряды «непримиримых». Поэтому вопрос чистки местного коррумпированного бюрократического аппарата имеет непосредственное отношение и к проблеме исламского радикализма.

Вообще, ваххабизм или салафизм, как предпочитают называть его последователи этого направления в исламе, – это не всегда радикализм. В Саудовской Аравии, где он является официальной идеологией, это в настоящее время достаточно умеренное направление. Но на российской почве затянувшегося переходного периода он проявился именно в радикальной форме, как протест части общества (в первую очередь, молодых людей) против условий, в которых приходилось существовать. Причем протест, связанный не только с тяжелой социально-экономической ситуацией, но и с процессами культурной трансформации общества. Это процесс глобализации, который на Кавказе, как, впрочем, и везде, приобретает свои особенности. Наиболее болезненно он затрагивает ту часть общества, которая в большей степени к моменту конца советской эпохи сохраняла элементы традиционного уклада и образа жизни. И исламский радикализм является в какой-то степени реакцией на общественные и культурные изменения в обществе. Процесс глобализации в целом необратим, но на Кавказе он будет продвигаться толчками, сталкиваясь с регрессией общества.

Далее – радикализм может проявляться не только в ваххабизме. Так называемый традиционный ислам в республиках Северного Кавказа таковым может быть назван весьма условно. Носителей традиционного в прошлом ислама физически почти не осталось в силу естественных причин, и те, кто представляет его сейчас в качестве функционеров в местных Духовных управлениях мусульман – это в основном люди, пришедшие туда в последнее десятилетие XX – начале XXI в. Они, конечно, стараются в какой-то мере следовать традициям, точнее, своему знанию о них, но не могут не реагировать на изменения в обществе. Эта реакция может выражаться, например, в стремлении поставить под свой контроль культурную и образовательную сферы жизни общества. Но в силу конфликта с ваххабитами духовные лидеры традиционного ислама нуждаются в помощи государства, стремясь при этом к усилению своего влияния на

общество. Если учесть, что в этническом отношении в Духовном управлении мусульман Дагестана наиболее полно представлены аварцы и что именно аварские клановые структуры (или этнопартии, пользуясь терминологией Энвера Фридовича) в последние годы проявляют наибольшую активность (не только в отношении других по этнической принадлежности группировок, но и касательно друг друга), и при этом некоторые из их лидеров являются последователями определенных местных шейхов, то нельзя исключить ситуацию, когда именно традиционный ислам внезапно может выступить в радикальном обличье, удовлетворяя политическим интересам своих честолюбивых сторонников.

Энвер Кисриев. Спасибо, Гамид, Вы затронули действительно важный аспект нынешней ситуации – религиозные движения на Северном Кавказе. Этого мы в ходе сегодняшнего обсуждения почти не касались. Этот аспект ситуации в регионах российского Кавказа имеет огромное значение и, по-видимому, его влияние будет возрастать. Особое значение имеет, на мой взгляд, изучение течений и форм организации молодежных исламских движений на Северном Кавказе. Совершенно справедливо было отмечено Гамидом Булатовым, что степень радикализации того или иного исламского течения будет зависеть не от теологических различий между, скажем «ваххабитами» и «тарикатистами», а от конкретного расклада сил и общественно-политической обстановки. Ислам оказывается радикальным или миролюбивым не из-за того, что, кто-то считает важнейшими одни суры Корана, а другой другие. Наоборот, выбор тех или иных сур в качестве программных обусловлен политическими ориентациями, позицией в реальном распределении сил и прочими вполне актуальными аспектами, а не абстрактными теологическими соображениями. Ныне столь миролюбивые и законопослушные тарикатские братства, 200 лет назад стали идеологической и организационной основой мюридизма – идеологии вооруженного противостояния кавказских горцев имперской экспансии русского царизма. А ваххабизм, зародившийся в Аравии как крайне воинственное течение за восстановление чистоты ислама, теперь обслуживает крайне консервативную власть, служит верой и правдой политическому режиму Саудовской Аравии.

К сожалению, наше время истекло. В иных обстоятельствах мы бы с удовольствием продолжили обсуждение, очень полезное для каждого из нас. Хорошо, что в наших сугубо научных рассуждениях, прозвучало несколько существенных практических соображений и рекомендаций. Поэтому считаю необходимым позаботиться о пуб-

ликации материалов нашего круглого стола. Хочу выразить надежду, что наши встречи станут регулярными. Нужно также приложить усилия, чтобы расширить наш круг – привлечь как можно больше ученых-исследователей, занимающихся актуальными социальными и общественно-политическими проблемами Северного Кавказа.